

УДК 159.923.3

ФАКТОРЫ СРЕДЫ В ВИКТИМНОМ ПОВЕДЕНИИ

Д. С. Музыкаченко

магистр психологии, аспирант кафедры психологии факультета философии и социальных наук

Белорусский государственный университет

Виктимность обсуждается как наслоение психологических и социальных признаков, усиливающих уязвимость. В едином наборе данных сопоставляются параметры среды и личностные факторы мотивации поведения, повышающие риск виктимизации. Социальные факторы рассматриваются как ситуационные переменные виктимного поведения. Потенциальные влияния представлены в логике экологической модели развития личности и интерпретируются в контексте выявленных личностных черт. Показаны взаимосвязи социально-демографических характеристик и склонности к разным моделям виктимного поведения (гиперсоциальной, самоповерждающей и саморазрушающей, агрессивной, некритичной, зависимой и беспомощной). Результаты демонстрируют возможность согласования факторов различных уровней действия в изучении склонности к виктимному поведению и оценке его мотивации.

Ключевые слова: виктимное поведение, факторы среды, личностные факторы мотивации.

Введение

Виктимное поведение как средство реализации потребностей или способ межличностного взаимодействия представляет *готовность* действовать определенным образом, основанную на прошлом опыте и поддерживаемую иерархией ценностей. При этом свойство *виктимности* выступает уязвимостью к действию внешних факторов и активности социального окружения.

Ситуационные факторы имеют двойное значение. Во-первых, личностные диспозиции и аспекты ситуации в интеграции отражены в сознании в *мотивационной регуляции поведения*. В ответ на специфическую ситуацию могут приниматься определенные стратегии, способствующие реализации потребностей. При разных материальных и психологических обстоятельствах может быть сделан различный выбор.

Во-вторых, *комплекс черт* и признаков может проявляться в качестве индивидуальной уязвимости и вообще рассматриваться таковой только *относительно условий* определенной ситуации и быть нейтральным для другой среды. Способ действия, определяемый личной иерархией приоритетов, может повышать риск ревиктимизации при обстоятельствах, которые не являются выбором личности. Таким образом, принимаемые издержки виктимного поведения превосходят действительный вред или потери, не планируемые виктимогенным решением.

Анализ социальных факторов является целесообразным для определения места внутриличностных образований (потребностей, убеждений, ценностей, установок) в общей структуре факторов мотивации. Использование экологической модели не претендует на их полный охват, применяясь в исследовании для систематизации рассмотренных акцентов.

(1) *Микросистема* объединяет людей, с которыми индивид актуально находится во взаимоотношениях. Круг контактов жертвы может выступать как индикатором, так и прогностическим параметром виктимизации. Переменные социальной сети обсуждаются в качестве сдерживающего фактора. По данным исследований, опыт неблаго-

приятных событий в возрасте до 16 лет (в т. ч. виктимизации) увеличивает вероятность последующего развития психоза (F20–F29 шизофрении, шизотипических, бредовых, а также F30–F33 аффективных расстройств) при выделении респондентами на момент интервью во взрослом возрасте менее 5 значимых лиц [1]. Согласно другому продольному анализу, связывающему опыт становления жертвой в школе в 13–17 лет и ревиктимизацию на рабочем месте к 22 годам, защитный эффект дружеской поддержки не работает посредством буферизации основного влияния виктимизации, а, скорее, через компенсацию или уравнивание симптомов депрессии. Дружеская поддержка в период 16–19 лет связана с меньшим количеством симптомов депрессии в 19–20 лет [2].

В большинстве исследований в психологии взаимодействие в микросистеме (семья, сверстники) рассматривается основным фактором виктимизации [3]. Как и в криминальной виктимологии, утверждается существование стабильности контакта лиц, ставших правонарушителем и жертвой (совместная работа, проживание, семейные связи) [4]. Предшествовавшее подверганию насилию выделяется веским коррелятом его последующего воздействия, свидетельствуя о цикле виктимизации, независимо от других факторов риска [5].

(2) *Мезосистемный* уровень иллюстрирует социальное функционирование на стыке различных систем. Включенность в разные сообщества и постоянный переход между ними (как динамичный, так и конечный) отражает пересечение систем отношений и оценки, в которых личность предстает для других. Варианты их комбинации и несовпадения установок (семья, школа, ПТУ/колледж и др.) могут становиться причиной виктимизации.

Принадлежность к расширенным социальным группам и факторы, связанные с ними на уровне (3) *экзосистемы* (семейный статус, сфера занятости и др.), также опосредуют ценности и убеждения, подвергающие личность уязвимости. Профессия родителей представляет параметр включенности семьи в общественные и экономические процессы внутри профессионального сообщества, влияющие на образ жизни, социальные возможности, позиции, взгляды и мировоззрение. Отмечается, что бытовой статус (доход, образование, род занятий родителей), родительская эффективность и недавнее изменение места жительства связаны с подверженностью *косвенной виктимизации* (свидетельством взаимоотношений в среде и опыта других (члена семьи, друга или соседа) [5]. Нехватка экономических и эмоциональных ресурсов может провоцировать родительские ссоры или драки в доме, либо препятствовать участию во внеучебной активности и программах, предоставляющих альтернативную среду влияний.

(4) Сфера *макросистемы* охватывает экономическую, политическую, культурную, социальную динамику, накладывающую специфику на взаимоотношения и жизнь в регионе [6]. Факторы окрестностей прогностичны преимущественно для *прямой виктимизации* личности. Неблагоприятное положение района и нехватка местных услуг для молодежи (отсутствие молодежного центра, служб консультаций, учебных программ или развлечений за пределами школ) сопряжены с недостатком надлежащих мер социального контроля против насильственного поведения [5].

Результаты сравнения близнецов показывают, что большая часть различий в опыте виктимизации является результатом воздействия рисков окружающей среды. Причем большинство видов (насилие в семье, виктимизация со стороны сверстников, сиблинга, кибервиктимизация, жестокое обращение или пренебрежение и др.) более распространены среди низких социально-экономических слоев [7]. Социальные проблемы, ограниченные возможности и жизнь в маргинальной среде при низком социально-экономическом статусе могут становиться катализаторами агрессивного поведения в учреждении образования [5]. Явления насилия в районе (наличие опасных мест,

девиантных группировок среди учащихся, преступность и т. д.) редуцируют атмосферу уважения, повышая насильственные взаимодействия, как среди сверстников, так и между преподавателями и учащимися [6].

Примечательно, что варьирование статистически обобщаемой распространенности случаев правонарушения связано с отличиями в допустимости поведения, что, будучи репрезентированным в культуре, транслируется в образовательных учреждениях, определяя интерпретацию виктимизации [8]. В частности, вербальная виктимизация отрицательно связана с низким уровнем образования и бедностью населения. В более состоятельных средах больший акцент делается на недопущении физического насилия, и может наблюдаться меньший надзор за другими формами проявления агрессии. В то же время респонденты могут быть более чувствительны к словесному оскорблению, чем сверстники из менее благополучных слоев, и потому сообщать о большей виктимизации [9].

Основная часть

Поскольку отмечается, что при исследовании ревиктимизации формирование выборки среди студентов вузов может завышать показатель числа людей, которые преуспевают [3], изучаемой группой были выбраны учащиеся выпускных классов 6 школ, а также 5 колледжей и ПТУ, как промежуточной ступени потенциально возможного профессионального и образовательного роста. Чтобы избежать преимущественного охвата представителей среднего и высшего социальных классов (что свойственно для столицы), а также для создания репрезентативной стратифицированной выборки были включены респонденты из 8 разных районов Минской области, характеризующихся высоким, относительно высоким, средним и низким уровнями социального благополучия по данным статистики. В исследовании анализируются данные 305 лиц юношеского возраста (16–18 лет на момент диагностики). При изучении мотивации виктимного поведения дополнительные переменные введены с целью предупреждения его исчерпывающего объяснения личностными факторами. Набор социально-демографических показателей оценивается в качестве потенциальных детерминант виктимного поведения, взаимосвязанных с установками, выявляемыми методикой “Склонность к виктимному поведению” (О.О. Андронниковой). Особенности микросистемы обсуждаются по материалам структурированных самоотчетов. Поскольку в профиле личности может присутствовать расположенность к нескольким типам виктимного поведения, возрастание их проявлений сопоставляется с рядом независимых переменных среди всех виктимных испытуемых (47%). В то же время, некоторые действующие факторы предсказывают именно высокие показатели какой-либо склонности (т.е. связи устанавливаются при делении участников на группы по ведущей модели виктимизации), что акцентируется в тексте. Сила связи для статистических закономерностей отражена в значениях ранговой корреляции Спирмена с вероятностью $p \leq 0,01$ или $p \leq 0,05$.

Агрессивное поведение. С возрастанием склонности к агрессивному виктимному поведению количество значимых других для личности уменьшается (-0,352). Снижение потребности в эмоциональной близости и наиболее низкая сфокусированность на интересах ближайшего окружения не способствуют объединению с людьми со сходными взглядами и мировоззрением, выступающему задачей возраста, а также препятствуют большей лояльности к тем или иным ограничениям (нормам и правилам) как обусловленным потребностями близких и референтных лиц. При выраженной направленности на самоутверждение (провокативности, физическом совершенствовании, гедонистических приоритетах) сокращение социального ресурса представляет неблагоприятный фактор, снижая потенциальные возможности для поддержания и формирования представлений о себе.

Среди всех виктимных респондентов рост агрессивных установок коррелирует со значимостью в кругу близких отца (0,247), тогда как с меньшей вероятностью перечисление начинается с матери (-0,199) (у представителей типа -0,668). Несмотря на корреляцию склонности с потребностью во внимании противоположного пола, связи с первоочередным указанием партнера в романтических отношениях не отмечается.

Статус полной семьи прогнозирует повышенные показатели расположенности к агрессивному виктимному поведению (0,547). В общественном восприятии с полной семьей соотносится более высокий уровень жизни и возможностей, что может способствовать большей уверенности в социальной иерархии и утверждению своих прав (помимо непосредственного наблюдения моделей действий отца как значимого другого или его поддержки).

Фактор обучения в ССУЗе способен оказывать большее влияние на проявление агрессивного виктимного поведения (0,347), чем на другие модели. В отличие от завершения общеобразовательной школы (-0,347), социализация в новом коллективе способствует самовыражению, в то время как присущая конфликтность, направленная на повышение собственной самооценки при отсутствии реальной ориентации на власть и главенствование, увеличивает уязвимость к виктимизации. Кроме того, агрессивный способ действия, служащий популярности в подростковом возрасте, с переходом в колледж (приходящимся на начало юношеского возраста) может восприниматься сверстниками более негативно [2].

Склонность к модели поведения усиливается при вовлеченности отца в военную сферу (0,230) в виду приобщения к ценностям среды, нетерпимой к слабости, поощряющей сопротивление и отстаивание своих интересов. Распорядительность и установление доминирования во внутрисемейной интеракции также может приводить к воспроизведению агрессии. Параллельно уменьшается готовность к терпению и бездействию, что взаимоисключает вероятность самоповреждающего виктимного поведения (-0,322).

В юношеском возрасте агрессивные установки могут повышаться при месте жительства в небольшом городе (0,233). Стремление к самоутверждению при жизни в рамках структуры, периферийной к концентрации представляющих интерес благ (когда желания личности превосходят потенциал среды), увеличивает готовность заявлять о правах и склонность к провокации, что, даже при отсутствии возможности преобразования ситуации, может выступать в качестве реакции на внешние ограничения или демонстрации моральных противоречий. Большая репрезентированность тех или иных значимых благ для живущих в столице и меньшая ограниченность в обладании ими может несколько снижать агрессивные установки (-0,179). Агрессивность и асоциальная направленность ценностей также в меньшей степени проявляется в небольшом сплоченном сообществе при жизни в поселке (-0,165), поскольку взаимодействия людей менее безличны при следовании своим интересам.

Самоповреждающее и саморазрушающее поведение взаимосвязано с уменьшением ближайшего окружения личности, с которым поддерживаются отношения (+0,311). С выявляемым снижением стремления к жизни уменьшается притяжение к “живому” и объединению с другими людьми. Корреляция с опытом виктимизации со стороны “бывшего друга/подруги” (0,312) также может быть причиной ограничения близких контактов, поясняя возрастание при высоких показателях значимости ценностей “истинной дружбы”, “верности”, “честности”. Однако прогностически неблагоприятный рост социальной отстраненности сужает для личности перспективу получения позитивной обратной связи.

Проявление самоповреждающего поведения может прогнозироваться переходом в колледж или училище после средней школы (0,209) (по сравнению с обучением в

старших классах (-0,209)). Модель связана с повышением нагрузки на нервную систему или совместным действием факторов стресса. Виктимная расположенность коррелирует с повышенной ориентацией на ценности достижения, в частности, среди подростков – со стремлением к успеваемости, поступлению в учебные учреждения и карьерному развитию [10]. В условиях дезадаптации самоповреждающее поведение представляет стратегию разрядки или получения положительных эмоций. Вместе с тем отмечается наиболее сильная среди всех типов виктимизации взаимосвязь с возникновением психотических нарушений (нервно-психическим напряжением функций, как возбужденностью, так и аффективным торможением, регуляторных систем и другими донозологическими проявлениями) [11].

Со стороны влияний социализации установки может опосредовать занятость отца в сельском хозяйстве (0,229). Ценности среды могут поддерживать целенаправленное вложение собственных усилий и не предполагать взаимоисключающей конкуренции с другими. Наглядное выражение эффективности деятельности в материальной форме повышает ориентацию на результат. При этом область профессиональных интересов (агрономия, животноводство, ветеринария, сельскохозяйственная техника) или повседневно актуальных в семье вопросов может не включать аспекты межличностного взаимодействия. Напротив, высокая вовлеченность матери в межличностную среду в качестве менеджера или администратора (в т. ч. секретаря, управляющего персоналом или профинспекции) способна снижать свойственные самоповреждающему типу убеждения (-0,207), расширяя представления о возможностях достижения благополучия и реализации целей, опираясь на социальные контакты, уменьшая значимость полагания на собственные силы и средства, а также необходимости жертвовать чем-либо в качестве цены результата.

Происхождение из столицы уменьшает показатели склонности к самоповреждающему поведению (-0,184), поскольку проживание в месте сосредоточения культурного развития и принадлежность респондентов к более высокому социальному классу предоставляет большие перспективы самореализации и ресурс для преодоления последствий виктимизации [3]. Однако видение личностью возможностей субъективно, поэтому влияние фактора относительно невысоко.

В то же время прогностическим параметром аутодеструкции является более высокий уровень социального благополучия (-0,276). Саморазрушение проявляется как реагирование на собственную дефектность или отсутствие права на полноценное существование. Развертывание процессов самоустранения взаимосвязано с характерологическим самообвинением [12] в интерпретации безуспешности попыток при предполагаемой доступности самих возможностей, в то время как немногие другие терпят неудачи. В условиях низкого уровня благополучия наблюдение неустроенности и социальных трудностей в окружении допускает объяснение недостижимости каких-либо благ или статусов внешними неблагоприятными факторами, либо ограниченностью ресурсов.

Дополнительным социокультурным влиянием могут быть особенности в распространности форм виктимизации и специфика их воздействия. Согласно исследованиям, при преобладающей пропорции семей с высоким социально-экономическим статусом в образовательных учреждениях регистрируются более высокие уровни вербальной виктимизации. Вербальная агрессия, как ее прямая форма, предполагает более непосредственное реагирование жертвы “лицом к лицу” и может в большей степени затрагивать нравственный конфликт (между враждебным ответом и бездействием), характерный для лиц самоповреждающего типа, разрешаемый преимущественно в пользу терпения и отсутствия действий.

Зависимое и беспомощное поведение. В самоотчетах виктимных респондентов, описывающих ситуацию виктимизации, зависимые и беспомощные установки коррелируют с утверждением “Я не мог завести друзей”. При повышенной мотивационной тенденции к образованию межличностных связей представителями зависимого и беспомощного типа в среднем перечисляется наибольшее число людей в ближайшем окружении, хотя закономерной взаимосвязи склонности с расширением социальной сети не устанавливается.

Корреляция поведения с потребностью в уважении и поддержке со стороны сверстников и ориентация на “социальное признание” снижает вероятность первоочередного указания в кругу близких взаимоотношений двоих родителей (-0,231). Также менее ожидается упоминание в первую очередь матери (-0,213). С большей вероятностью выделяется значимость “подруги” (0,194) или партнера в романтических отношениях (0,195).

В сравнении с продолжением учебы в школе (-0,314), расположенность к виктимизации повышается в случае обучения в ССУЗе (0,314). Перемены места, режима и организации процесса обучения увеличивают запрос к потенциалу адаптации, тогда как зависимый и беспомощный тип отличает дефицит действенных моделей поведения и коммуникативных навыков [11], что может способствовать проявлению его дезадаптивных паттернов. Утрата повседневных контактов, на которые опирается личность, усиливает беспомощные установки.

Фактор неполной семьи увеличивает риск возникновения зависимой и беспомощной модели поведения (0,183). Взросление в семье с одним родителем (в данном случае в 97% матерью) может обуславливать затруднения в отстаивании своих потребностей и противодействии правонарушителю, но также имеет следствием снижение ожиданий со стороны общества, поскольку статус “неполная семья” выступает в качестве пониженной социальной силы. Своеобразие значения в репрезентациях, в частности в учреждениях образования, оказывает влияние, как на интерпретацию другими, так и на самосознание личности (учет различными службами и общественными организациями, присваивание ярлыка “неблагополучия”, компенсирующая финансовая помощь и т. п.).

Среди лиц с высоким уровнем зависимости и беспомощности повышение установок связано с работой матери в сфере торговли (0,794). Поддерживаемые в семье ценности выгоды и значимости ее обнаружения оказывают влияние на индивидуальную модель адаптации. Жизнь неполным семейным составом увеличивает приоритет практичности во взглядах вместо ориентации на достижения, тогда как объективная необходимость помощи или содействия закладывает рентную установку. В представлениях личности зависимость может быть функциональной: терпение агрессии или другого виктимизирующего обращения рассматривается допустимым как цена, целесообразная реализации каких-либо собственных потребностей, требующих сохранения амбивалентных отношений.

В случае низкой оценки своей эффективности, значимой в юношеском возрасте, наблюдение недостаточности в среде тех или иных желаемых благ (средств реализации потребностей) или некоторая дистанцированность от них при проживании в небольшом городе может усиливать беспомощные убеждения (0,197). Воспринимаемая низкая конкурентноспособность побуждает к “выходу из борьбы”, либо приспособлению, удерживанию за других лиц.

Склонность к модели увеличивается со снижением показателя социального благополучия района в месте обучения (0,186). Способность к реализации целей и потребностей может сдерживаться социальной структурой. Невыстроенность путей общественного становления подталкивает личность к различным девиациям. Отсутствие последовательных и прямых способов достижения благ или положений повышает беспомощность и воспринимаемую зависимость от содействия сильных или статусных

лиц. Помимо того, динамика социального объединения в неблагоприятных условиях может усиливать значимость социального признания и межличностных связей для личности (тогда как при высоком уровне жизни интегрирующие силы ослабляются). Отмечается, что низкий социально-экономический уровень коррелирует с более высокой распространенностью именно виктимизации в отношениях (реляционной) [9].

Некритичное поведение. Фактор сужения ближайшего окружения личности связан с ростом склонности к некритичному поведению сильнее, чем с остальными моделями (-0,381). Среди виктимных лиц некритичного типа средний показатель значимых других уменьшается до 4. При импульсивности и сниженных ориентирах безопасности дефицит устойчивых контактов является неблагоприятным прогностическим параметром, поскольку, во-первых, не может выступать опорой при необходимости практической или эмоциональной помощи. Во-вторых, последствия поведения приписываются влиянию изменчивых обстоятельств или окружения, способствуя внешнему локусу контроля в виктимизации.

Высокие показатели некритичности связаны с приоритетом “верность”, что может побуждать неоправданно ограничивать круг поддерживаемых отношений. В целом повышение установок обнаруживает тенденцию испытуемых к называнию в числе значимых других прежде всего партнера в романтических отношениях (0,184). В то же время рост склонности к некритичному поведению коррелирует с указанием первым отца (0,209), тогда как начало перечисления с матери (-0,260) менее вероятно.

Риск виктимизации может усугубляться (0,278) с поступлением в колледж или училище (тогда как завершение старшей школы в равной степени его снижает (-0,278)). Вхождение в новую систему отношений, ситуаций и ценностей среды при непрочно-сти нравственных принципов со свойственностью мотивации гедонизма и стимуляции в привычном поведении создает уязвимость к ненаправленной социализации со сверстниками (тем более, что для многих поступление связано с отъездом из родительской семьи). “Неструктурированная социализация” (рискованное поведение, опасные виды развлечения, посещение нежелательных мест, сомнительные знакомства) [5] указывается среди наиболее значимых индивидуальных факторов риска подвергания насилию, наряду с низким уровнем самоконтроля и воспринимаемой способности избегать насилия в районе (т. е. внешней атрибуцией), также отличающимися некритичный тип.

Сопряженность образа жизни родительской семьи с индустрией производства (работа отца в качестве рабочего или инженера (0,701) и/или матери на рабочей специальности (0,191) в отрасли машиностроения) увеличивает вероятность склонности к некритичному поведению. Тяжесть выполняемой работы (ее физические аспекты) и последовательность режима труда усиливают необходимость и приоритет отдыха, что в целом может иллюстрировать отношение к досугу как к значимой и неотъемлемой части повседневного уклада. При этом шаблонность деятельности, невысокая образовательная планка в среде и низкие познавательные интересы, даже при неплохой экономической обеспеченности, могут ограничивать спектр рутинных целей гедонистическими мотивами. Рост потребности в развлечениях, ценности гедонизма, а также впечатлений и новизны у лиц юношеского возраста могут приводить к виктимизации вследствие неразборчивости или любопытства.

При вовлеченности матери в администрирование и менеджмент (-0,227) принадлежность круга общения и контактов к социальной сфере, фокусирующейся на оценке людей и ситуаций, повышает межличностную компетентность, также благоприятствуя динамичной информированности в смежных областях, что способно снижать риск некритичного поведения. С другой стороны, профессиональная занятость отца в военной сфере в виду категоричности и подавления в стиле коммуникации способствует отсутствию критики или восприимчивости к настойчивому воздействию вне семьи (0,241).

Некритичные установки также коррелируют с проживанием в небольшом городе (0,239). Недостаточная перспективность реализации тех или иных значимых потребностей в непосредственной для личности среде, в случае предоставившейся возможности, уменьшает возможный риск в восприятии ситуации. Напротив, повышение вероятности в более ресурсной среде, при жизни в столице (-0,191), способствует большей избирательности альтернатив в их удовлетворении.

Гиперсоциальное поведение взаимосвязано с расширением ближайшей социальной сети личности (0,257). В соответствии с выявляемой потребностью в установлении дружеских отношений, представителями типа среди значимых других первоочередно упоминается друг (0,276), тогда как снижающееся стремление к симпатии противоположного пола уменьшает вероятность указания в первую очередь “парня/девушки” (-0,217). В то же время среди лиц юношеского возраста повышение гиперсоциальных установок снижает риск исключения родителей из ближайшего круга поддерживаемых связей (-0,215). Увеличение контактов оценивается прогностически благоприятно, поскольку может буферировать последствия деструктивного опыта или правонарушений. Однако, исследования показывают, что, в сравнении с другими видами агрессии, для социальной (реляционной) виктимизации, ни количество друзей, ни родительская поддержка не является защитным параметром [13].

Склонность к становлению жертвой не устанавливает связи с типом учреждения образования, поскольку, характеризуясь нормативностью, соблюдением требований, и морально-нравственными ценностными ориентациями, модель имеет высокий адаптационный потенциал к вариациям среды [11] (за исключением притягательности положительного поведения для правонарушителя). Установки могут быть непривлекательны в подростковый период для компании сверстников [2], но к юношескому возрасту способствуют социализации и обнаружению своих функций в коллективе.

Поскольку более изобильная по сосредоточению достатка и менее разграничивающая в возможностях среда позволяет актуализироваться равнодушно к благополучию другого и потребности в оказании помощи, происхождение из столицы может повышать расположенность к гиперсоциальному поведению (0,189). Потенциальная межличностная конкуренция сглаживается при широкой доступности для всех реализовывать свои потребности.

Тем не менее склонность не обнаруживает закономерного повышения с ростом уровня социального благополучия. Виктимная гиперсоциальность при этом связана с готовностью к отказу от собственных потребностей ради общественно или культурно значимых приоритетов. Отсутствие прямой зависимости от показателей среды указывает на большую детерминированность поведения личностными факторами.

Резюмируя выводы, следует отметить, что параметры, определенные здесь как показатели, не являются субъективно избирательными и обсуждаются в качестве факторов уже по результатам исследования, в то время как ряд переменных не обнаружил существенных влияний.

Согласно итогам, исключение сверстников из круга значимых других, первоочередное выделение иных категорий родственников (помимо родителей), а также психологическое включение в ближайшее окружение домашних животных не оказывается значимым параметром для виктимных установок. Также, как и зарубежный обзор факторов риска [5], мы не установили связей с воспитанием одним или обоими небологическими родителями (т. е. в “измененной полной семье” или “замещающей/опекунской, либо при сиротстве”), однако было отмечено влияние статуса “полной” и “неполной” семьи. Более дифференцирующим для склонности к виктимному поведению оказывается проживание в столице и небольшом городе, чем факторы жизни в поселке или в деревенском населенном пункте.

Со стороны профессиональной вовлеченности родителей статистически значимых связей не выявлено с различными потенциально возможными сферами (медицина, образование, охрана/безопасность, транспорт/автосервис, органы власти, работа без специальной подготовки, не работающие и др.), а также с занятостью в других отраслях промышленности, кроме машиностроения (как в рамках тяжелой, так и легкой, пищевой).

Заключение

Факторы среды, действуя на различных уровнях, могут проявлять личностную уязвимость или усиливать виктимное поведение, поддерживая закрепившиеся модели адаптации. 1) Круг близких контактов в юношеском возрасте, как выступает индикатором опыта, так и прогнозирует виктимизацию. Уменьшение числа значимых других опосредует агрессивное, самоповреждающее и некритичное виктимное поведение, тогда как гиперсоциальность коррелирует с увеличением социальной сети. Однако, при высоких показателях зависимых и беспомощных установок виктимные лица придерживаются наибольшего числа людей в окружении. 2) Повышенная необходимость адаптации при переходе в ССУЗ увеличивает расположенность к виктимным моделям поведения (кроме гиперсоциальной, имеющей высокий адаптационный потенциал, не обнаруживая связи с типом учреждения образования). 3) Фактор неполной семьи способствует зависимым и беспомощным убеждениям, тогда как полный ее состав их взаимоисключает, прогнозируя склонность к агрессивному виктимному поведению. 4) Вовлеченность родителей в профессиональную сферу оказывает влияние на индивидуальные установки. Занятость матери в администрировании и менеджменте, либо отца в военной сфере, буферизирует риск самоповреждения, тогда как сельскохозяйственная специализация отца повышает расположенность. Росту склонности к агрессивному поведению способствует включенность отца в военную среду. Некритичность усиливается при работе отца и(или) матери на производстве, а также принадлежности отца к военным, в то время как деятельность матери в области администрирования и менеджмента уменьшает вероятность. Зависимые и беспомощные представления коррелируют с занятостью матери в торговле. 5) При проживании в небольшом городе, в условиях некоторой дистанцированности от сосредоточения благ, большая приемлемость или допущение издержек ради реализации своих потребностей усиливает виктимные модели действий, в то время как при происхождении из столицы более изобильная среда развивает заинтересованность в благополучии другого, увеличивая склонность к гиперсоциальному поведению. 6) Высокий уровень социального благополучия повышает склонность к самоповреждающему поведению, стимулируя атрибуцию неуспеха личностным особенностям, тогда как низкий уровень благополучия района поддерживает зависимые и беспомощные убеждения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Gayer-Anderson, C.** Gender differences in the association between childhood physical and sexual abuse, social support and psychosis / C. Gayer-Anderson, H. L. Fisher, P. Fearon, G. Hutchinson, K. Morgan, P. Dazzan, J. Boydell, G. A. Doody, P. B. Jones, R. M. Murray, T. K. Craig, C. Morgan // *Social psychiatry and psychiatric epidemiology*. – 2015. – Vol. 50, № 10. – P. 1489–1500. doi: 10.1007/s00127-015-1058-6.
2. **Brendgen, M.** Continued bullying victimization from childhood to young adulthood: a longitudinal study of mediating and protective factors / M. Brendgen, F. Poulin // *Journal of abnormal child psychology*. – 2018. – Vol. 46, №. 1. – P. 27–39. doi: 10.1007/s10802-017-0314-5.
3. **Chantal, P. T.** Revictimization: advancing theory and method : dissertation in psychology / P. T. Chantal ; Georgia State University. – USA, 2007. – Режим доступа: https://scholarworks.gsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1027&context=psych_diss. – Дата доступа: 30.06.2019.

4. **Ривман, Д. В.** Криминальная виктимология / Д. В. Ривман. – СПб. : Питер, 2002. – 304 с.
5. **Zimmerman, G. M.** Risk factors for and behavioral consequences of direct versus indirect exposure to violence / G.M. Zimmerman, C. Posick // American journal of public health. Mode of access: https://www.google.by/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&frm=1&source=web&cd=9&cad=rja&uact=8&ved=0ahUKEwIU_7mYyYPTAhUJWCwKHY8SATAQFghdMAG&url=https%3A%2F%2Fwww.nspcc.org.uk%2Fpreventing-abuse%2Fchild-abuse-and-neglect%2F&usq=AFQjCNHsd7aN-LFW_NEQyY2qS9bqhtbo8w&bvm=bv.151325232,d.bGs. – 2016. – Vol. 106(1). – P. 178–188. doi: 10.2105/AJPH.2015.302920.
6. **Oriol, X.** Violent relationships at the social-ecological level: a multi-mediation model to predict adolescent victimization by peers, bullying and depression in early and late adolescence / X. Oriol, R. Miranda, A. Amutio, H. C. Acosta, M. C. Mendoza, J. Torres-Vallejos // PLoS One. – 2017. – Vol. 12(3). doi: 10.1371/journal.pone.0174139.
7. **Fisher, H. L.** Measuring adolescents' exposure to victimization: the environmental risk (E-Risk) longitudinal twin study / H. L. Fisher, A. Caspi, T. E. Moffitt, J. Wertz, R. Gray, J. Newbury, A. Ambler, H. Zavos, A. Danese, J. Mill, C. L. Odgers, C. Pariante, C. C. Wong, L. Arseneault // Development and psychopathology. – 2015. – Vol. 27, iss. 4pt2. – P. 1399–1416. doi: 10.1017/S0954579415000838.
8. **Chester, K. L.** Cross-national time trends in bullying victimization in 33 countries among children aged 11, 13 and 15 from 2002 to 2010 / K.L. Chester, M. Callaghan, A. Cosma, P. Donnelly, W. Craig, S. Walsh, M. Molcho // European journal of public health. – 2015. – Vol. 25(2). – P. 61–64. doi: 10.1093/eurpub/ckv029.
9. **Attar-Schwartz, S.** Indirect versus verbal forms of victimization at school: the contribution of student, family, and school variables / S. Attar-Schwartz, M. Khoury-Kassabri // Social work research. – 2008. – Vol. 32(3). – P. 159–170. doi: 10.1093/swr/32.3.159.
10. **Selekman, M. D.** Helping self-harming students / M. D. Selekman // Health and learning. – 2010. – Vol. 67, № 4. – P. 48–53.
11. **Музыченко, Д. С.** Адаптационный потенциал личности, склонной к виктимному поведению в подростковом возрасте / Д. С. Музыченко // Психологическое сопровождение образовательного процесса: сб. науч. ст. Вып. 7: в 2 ч. Ч. 2. / Центр учебной книги и средств обучения РИПО ; редкол.: О. С. Попова (отв. ред.) [и др.]. – Минск : РИПО, 2017. – С. 141–149.
12. **Schacter, H. L.** The effects of school-level victimization on self-blame: evidence for contextualized social cognitions / H. L. Schacter, J. Juvonen // Developmental psychology. – 2015. – Vol. 51, № 6. – P. 841–847. doi: 10.1037/dev0000016.
13. **McVean, M. L.** Physical, verbal, relational and cyber-bullying and victimization examining the social and emotional adjustment of participants [Electronic resource] / M. L. McVean; College of behavioral and community sciences, University of South Florida. – USA, 2017. – Mode of access: <https://scholarcommons.usf.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=8094&context=etd>. – Date of access: 30.06.2019.

Поступила в редакцию 24.10.2019 г.

Контакты: 17p-holmes@rambler.ru (Музыченко Диана Сергеевна)

Muzychenko D. ENVIRONMENT FACTORS IN VICTIM BEHAVIOUR.

Victimty is discussed as a layering of mental and social signs that enhance vulnerability. The unified dataset compares environmental indicators and personal factors of behaviour motivation that increase the risk of victimization. Social factors are considered as situational variables of victim behavior Potential influences are presented in the logic of the ecological model of person's development and interpreted in the context of identified personality traits. The relationships of socio-demographic characteristics and tendency to distinct models of victim behavior (hypersocial, self-harming and self-destructive, aggressive, uncritical, dependent and helpless) are shown. The results demonstrate the possibility of coordinating for factors of different levels in studying the tendency to victim behavior and assessing its motivation.

Keywords: victim behaviour, environmental factors, personal factors of motivation.